

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ САМОУПРАВСТВА ОТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

А.А. Ларионов,
адъюнкт
ФГОУ ВПО ВСИ МВД
России

И.П. Парфиненко,
заместитель начальника
ФГОУ ВПО ВСИ МВД России
по служебно-боевой подготовке,
кандидат юридических наук

Данная статья посвящена проблемам отграничения самоуправства от вымогательства, рассмотрены вопросы отграничения часто возникающие на практике и вызывающие проблемы у правоприменителя.

This article is devoted to the problem of delimitation of arbitrariness from extortion. Problems of delimitation which often arise in practice work of law enforcer are also considered in the article.*

Рассматривая вопросы квалификации самоуправства нельзя не остановиться на наиболее актуальных как в теории, так и на практике проблем отграничения самоуправства от смежных составов, поскольку самоуправство, являясь сложным по своим юридическим признакам преступлением и имеющим ряд специфических черт, тем не менее, имеет много общего с некоторыми посягательствами.

На практике часто возникают проблемы отграничения самоуправства от вымогательства. Чаще всего органами предварительного следствия действия обвиняемых квалифицируются как вымогательство, а суды переквалифицируют их на самоуправство. И хотя сложностей в разграничении этих составов преступлений вроде бы нет, проблемы все же существуют.

* Larionov A.A., Parfinenko I.P. Problems of delimitation of arbitrariness from extortion.

На практике они возникают не так уж и редко, особенно в девяностые годы прошлого столетия, когда в условиях существующей ослабевающей государственной власти, при почти бездействующей судебной и исполнительной системе, не способной обеспечить защиту интересов физических и юридических лиц, кредиторы вынуждены, чтобы истребовать долг или законные выплаты, сами обращаться к должникам с требованием выполнить обязательства, сопровождая свои вполне законные требования различными угрозами или насильственными действиями, либо кредиторы для подобного «выбивания» приглашают своих друзей, охранные агентства, знакомых чиновников, а то и просто криминальных «братков». В последние годы актуальность таких действий спала, так как кредиторы стали действовать в правовом поле, однако данная проблема не искоренена и имеет место на практике и в настоящее время, хотя и не в таких объемах как в конце прошлого столетия.

Одним из критериев разграничения самоуправства от вымогательства выступает предмет преступления. Так, согласно диспозиции ст. 163 УК РФ предметом вымогательства является чужое имущество, то есть такое, на которое виновный не имеет ни предполагаемого, ни действительного права. Поэтому требование передачи собственного имущества, даже если оно и сопровождается угрозами или насильственными действиями, описанными в диспозиции ст. 163 УК, не может быть квалифицировано как вымогательство. Такое деяние представляет собой самоуправство.

Нередко при вменении самоуправства суды исходят из доказанности показаний подсудимых о том, что они добивались таким путем либо получения денег, которые им должен потерпевший, либо вымогатель предполагает, что имеет право на истребуемые деньги. Все эти ситуации объединены стремлением лица осуществить свое действительное или предполагаемое право посредством совершения действий, содержащих в себе признаки, сходные с объективной стороной вымогательства. Для вымогательства характерна корыстная цель. В случае, когда требуют свое имущество у потерпевшего-должника, следует исходить из смысла ст. 330 УК РФ — самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или каким-либо гражданином, если такие действия причиняют существенный вред. Квалифицированным признаком данная статья называет деяние, совершенное с применением насилия или угрозой его применения.

Таким образом, становится ясно, что основным дифференцирующим критерием самоуправства и вымогательства является правовой статус имущества или имущественных прав, на которые направлены требования сторон. Правовой статус имущества или имущественных прав – это категория гражданско-правовая и существует достаточно большое количество ситуаций, когда для правильной квалификации действий виновного лица необходимо апеллировать к гражданскому праву для установления правового статуса предмета преступления.

Поэтому обратимся к гражданскому законодательству для получения ответов на некоторые вопросы. Сразу же укажем на существующую коллизию уголовного и гражданского законодательства, которая заключается в том, что характеристика имущества как чужого в уголовном законе не вполне соотносится с понятием общей собственности. Не ясны различия между вещными правами и требованиями, вытекающими из обязательств. Последнее кажется тонкостью, но оказывается существенным при так называемом «выбивании долгов». Следует решить, является ли долг чужим имуществом или имеет место осуществление гражданином по своему усмотрению принадлежащего ему гражданского права. Для этого, прежде всего, необходимо установить категорию гражданских прав, которые не могут носить оспоримый характер. Это в первую очередь право собственности и иные вещные права, такие как сервитуты, право пожизненного наследуемого участка земли и права неограниченного пользования и владения земельным участком. Это право не может быть спорным, так как на основе определенных документов оно закрепляется за конкретным человеком и может быть передано только этим человеком при обязательном условии регистрации в государственных или муниципальных органах. То есть всегда существует возможность проверить принадлежность того или иного права конкретному лицу.

А вот группа гражданских прав, возникающая из гражданско-правовых договоров и обязательств, по которым не передается право собственности, может носить спорный характер. Следовательно, первым этапом при квалификации деяний, содержащих как признаки вымогательства, так и самоуправства, необходимо выяснить характер правового статуса имущества или имущественных прав. Если право принадлежит конкретному человеку или юридическому лицу, то квалифицировать как самоуправство это деяние уже нельзя.

Другая проблема в контексте рассматриваемого связана с тем, что когда виновный, осуществляя свое действительное или предполагаемое право с нарушением установленного законом порядка, требует вернуть свое имущество или эквивалент его, то все понятно — это самоуправство. А если он «включил счетчик»? В научной литературе высказывают различные точки зрения по данному вопросу.

Так, некоторые предполагают, что при требовании «процентов по несвоевременно возвращенным капиталам» необходимо исходить из официально существующих процентных ставок, поскольку с их точки зрения нельзя отрицать реальное причинение ущерба в результате несвоевременного возвращения долга¹.

Однако существует и такая точка зрения, согласно которой, если «включение счетчика» не было оговорено сторонами заранее и требование носит односторонний характер, то оно осознается лицом, его выдвигающим, как неправомерное, образуя состав вымогательства.

Вновь следует обратиться к гражданскому законодательству. Согласно, например, ст.332 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) кредитор вправе требовать уплаты неустойки, определенной

законом (законной неустойки), независимо от того, предусмотрена ли ее уплата соглашением сторон. Также ст.393 ГК РФ определяет: «Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было, — в день предъявления иска». Отсюда, на наш взгляд, и вытекает требование предполагаемой суммы, превышающей стоимость имущества на индекс реальной инфляции, а так же процентов по долгу в соответствии с учетной ставкой банковского процента на день исполнения денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ). Налицо наличие оспариваемого права.

Еще один вопрос, который можно решить с помощью обращения к гражданскому законодательству, заключается в оценке анализируемых действий, которые совершает не сам кредитор, а нанятые им для этого другие лица. Так, например, ряд авторов полагает, что в действиях этих лиц содержатся все признаки вымогательства. Действия же кредитора в таком случае надлежит квалифицировать как самоуправство и подстрекательство к вымогательству либо его организация.

Позволим себе не согласиться с данным мнением, основываясь на том, что согласно Главе 24 Гражданского кодекса «Перемена лиц в обязательстве» кредитор может передать свое право (требование), принадлежащее ему на основании обязательства, другому лицу (уступка требования). При этом ее юридическая неоформленность не исключает наличия самого права. Указанное и дает нам основания квалифицировать действия таких лиц по ст. 330 УК РФ как самоуправство, а не вымогательство.

Думается, по этому вопросу должен высказать свою позицию Верховный Суд РФ, закрепив ее в соответствующем постановлении пленума Верховного суда РФ, что положит окончание спорам и дискуссиям по рассматриваемому вопросу.